

Выражаю огромную благодарность *Марине Исаковой*, моей постоянной помощнице. Именно благодаря ей книга полностью соответствует всем историческим реалиям, а упомянутые деятели — своим реальным прототипам. Спасибо ей за все!

Благодарю также за помощь моего внимательного корректора *Игоря Черепнева*, известного писателя. Благодаря его внимательному взгляду я смогла избежать многих повторов и ошибок.

*Посвящается моей маме, Ивановой (Устиновой)
Марии Ивановне, уроженке деревни Васино
Дорогобужского района Смоленской области*

Глава 1

МЕТЕЛЬ

— Вот знала, что Инка настойчива и ей трудно отказать, только сегодня позвонила и все всколыхнула, изменила все мои планы: «Приезжай на дачу на выходные, посидим у камина. Мой уехал, Танюшка у свекрови, будем одни! Винца выпьем, посплетничаем всласть, мы так давно не общались... И бла-бла-бла!» Да уж давно — три дня назад виделись, очень соскучились!!!

Хотела отделаться, но разве от нее отобьешься, может она уговаривать, недаром психологом работает! Да и не умела я ей никогда отказывать, всегда одно и то же было — она что-нибудь придумает, а я отдуваюсь! С самого детства это началось! Сколько мне из-за нее попадало, сколько раз мы с ней ругались и расходились «навсегда!!!», но вновь мирились и сходились, как всегда притягиваются и сходятся разноименные полюса магнитов!

Так ворчала про себя наша героиня, которая ехала 24 декабря по заснеженной пригородной московской дороге. Позвольте же ее представить — Наталья Алексеевна Д., учитель начальных классов одного из элитных лицеев города Москвы. А Инна, на которую сейчас она ругалась любя, ее лучшая подруга, с которой они были близки, как сестры.

Да как не сойтись, ведь все их тридцать лет с копеечками они дружили. И жили в одном доме, только в соседних подъездах, и учились вместе в одном классе, а потом и в одном пединституте, только на разных

факультетах. Наталья начфак закончила, всегда маленьких учить мечтала, а Инна на «психолога», как дети говорили, выучилась. Сейчас она известный семейный психолог-консультант, которой подруга-учительница исправно поставляла мамочек да и их знакомых. И ей хорошо — меньше нервы треплют семейными дразгами да разборками, и Инне копейка лишняя не помешает. Та тоже время от времени подруге отстегивала деньги за «сводничество», как она выражалась, или подарки делала хорошие.

И замуж они почти одновременно вышли. Только подруга благополучно живет со своим Володей, дочку-красавицу десятилетнюю имеет, единственную Татьяшку среди Милан, Милен, Софий, Диан. Даже Анджелины с Есенией в школе есть, а вот это старинное и красивое имя стало совсем редким.

Да и как ей не быть Татьяной, ежели родилась девочка как раз в веселый день всех студентов, двадцать пятого января, и «устроительницей» была отличной, оправдывая значение своего имени. Была она ученицей и любимицей своего педагога, которая помогала нянчить ее с детства, и для которой дома была просто тетей Наташей, но в классе — как и для всех — Натальей Алексеевной, и попадало ей за дело наравне со всеми.

А вот Наталье не повезло — вроде все поначалу и неплохо было, а потом ее Сашенька спиваться начал, ревновать на пустом месте, язык полегоньку распускать, до рукоприкладства, правда, не доходило, но ругаться они стали очень часто и по пустякам.

Потерпела она так почти пять лет да и послала его подальше, благо детей так и не заимели. Развели их быстро, имущество и квартиру делить не надо было, жили они у Натальи, в родительской еще квартире. Слышала она потом краем уха, что бывший муж из Москвы в Питер перебрался и вроде даже женился, но женщина его искать не стала, да и он не искал, видно, у обоих отболело, улеглось все.

Еще после него были попытки семью создать, да все что-то не складывалось. И детей ни с кем из мужчин Наталья так и не завела, как ни старалась, даже ЭКО сделать хотела или усыновить кого-нибудь, а потом поняла, что вместо одного ребенка ей каждые четыре года по двадцать пять и более деток усыновлять приходится, и, как говорят, «вышла замуж за работу», успокоилась.

Родители ее ушли друг за дружкой, мама от инфаркта, а отец почти следом за ней от инсульта, а была она последышем, родилась, когда родителям уже за сорок было, уже и не ждали никого.

Тут уж Инна подругу хорошо поддержала, помогла и с похоронами, и с вступлением в наследство, и с обменом старенькой двушки на новую квартиру, правда, однушку, но в современном доме с хорошей планировкой и почти с такой же площадью. Так что отказывала Наталья ей редко, помогали они друг другу во всем, близки были душами так, как иные родные сестры не бывают.

Так что и в этот раз уговорила ее подружайка, поехала все же Наталья за тридевять земель на эту чертову дачу, хотя и видела, что погода ухудшается! По городу-то ее «мазбочка», кстати, тоже купленная с помощью Инны в хорошем салоне под минимальную рассрочку, неплохо шла, дороги чистые, машин не| много.

Но как выехала она за город, в чисто поле, так ветер задул все сильнее, да так, что стекла снегом залепило, дворники не справлялись. Куда ехать, непонятно, дороги совсем не видно, да еще и мотор не вовремя глохнуть стал, чихал, чихал, да и совсем замолк!

И как назло — на дороге никого! Да и дураков особо нет перед Рождеством выезжать куда-то за город, да еще в такую погоду, все едут в супермаркеты за продуктами да за подарками. Это в городе — люди и свет, — а здесь только ветер да снег кругом. И хоть в машине и тепло, но понимала Наталья, что это

счастье не на долго. Скоро аккумулятор сядет, и придет за ней большой северный песец!

И что-то так ей страшно стало! Даже в жар кинуло, прямо как волной обдало! Да и в туалет от страха так резко захотелось. Решила она выйти из машины, может, что-то увидит или услышит, дорогу разглядит, помочь кого-нибудь попросит, да заодно и попробует дела свои сделать.

Только зря она это сделала! Не успела отойти от двери и двух шагов, как вдруг воздух сгустился, уплотнился, стал таким тяжелым, что дыхание захватило, метель охватила женщину плотным коконом, окутала со всех сторон и подняла вверх! Она стала задыхаться, в глазах потемнело, женщина уже не видела, а только чувствовала, как ветер превратился в сильный, ощущаемый всем телом поток, который целенаправленно нес ее куда-то.

Страха особого не было, скорее непонимание ситуации, но ощущала она себя маленькой снежинкой, одной из тысяч в этой нескончаемой метельной круговерти, которую крутят и вертят, как хотят!

И почему-то вдруг в голове зазвучал вальс Георгия Свиридова из старого фильма «Метель», который сразу и утихомирил ее страх. Беспокойство понемногу утихло, но не исчезло, и Наталья, человек не особо верующий, вдруг взмолилась искренне, от всей души: «Господи, спаси и сохрани, перенеси меня туда, где мне будут рады!» Она-то имела в виду подругу свою, а получилось, что вновь понесло ее куда-то, вертело, голова закружилась, в глазах окончательно потемнело, Наталья уже было решила, что настал ее конец, и совсем отключилась.

Глава 2 ВОТ ТАК ПОПАЛА!

Долго ли она так в беспомощности была, непонятно, только очнулась в какой-то теплой то ли коробочке, то

ли домике, среди подушечек, тряпок, каких-то увязочек и сундучков. В голове откуда-то всплыло слово «возок» и осознание, что и здесь она едет куда-то, только двигается транспорт очень медленно, переваливаясь и слабо трясясь по сугробам.

В тусклом свете угольков, которые едва теплились в ящичке под лавкой, слабом огоньке светильника под самым потолком Наталья еле разглядела, что рядом с ней полусидит-полулежит незнакомая очень юная девушка, которую она вроде и не знает, но почему-то чувствует, что та ей близка и дорога.

Но даже и при таком слабом свете видно было, что девушке очень плохо. Она тяжело дышала, вся горела, была в полуобморочном состоянии и только стонала тихонько. Наталья обратила внимание, что сама она тоже изменилась — то есть сознание ее, тело тоже вроде ее, а вот одежда и внешний вид совсем непривычный. В руках муфточка, почти как у героини фильма «Карнавальная ночь», на ней красивое старинное платье, как носили в начале девятнадцатого века, на голове шляпка-капор, покрытая теплой шалью, завязанной на спине, а она их отроду не надевала. Да и девушка была одета в похожую старинную одежду.

Напротив них, прижавшись друг к другу, как испуганные птички, сидели две девчушки в простых полубубках, выглядевшие чуть постарше восьмиклашек, детей предыдущего выпуска учительницы. И опять в голове появилось осознание, что это горничные Даша и Катюшка, сиротки, взятые из деревни для службы барыне и барышне.

Внезапно Наталья ясно поняла, что попала в прошлое, недаром под села на книги про попаданцев — рассказы о людях нашего времени, которых переносило в разные страны и времена, в прошлое или будущее, в разные фантастические миры. Любила она такие истории, особенно про попадание в прошлое России, но никак не ожидала, что сама станет героиней одной из них. Пробило ее еще раз не по-детски не столько от

страха, сколько от неопределенности положения, но почему-то она была уверена, что все будет хорошо.

Да и особо переживать было некогда, надо было определяться — где они и кто такая эта девушка, да и она сама кто такая. Начала осматриваться и нашла какой-то то ли кисет, то ли мешочек — оказалось, дамская сумочка такая. Начала в ней копошиться — и, на ее счастье, обнаружила какие-то бумаги, слава богу, на русском языке.

Так, читаем, хоть и с трудом, орфография и буквы дореформенные, старинные, но понять можно. Постепенно начала она вникать, правда в письме «много букв», как сейчас говорят, которые пропускаются, чтобы узнать основное.

«Любезнѣйшая моя, дорогая подруга Аннетъ! Тысяча благодарностей за ваше гостепріимство и прекрасное время, проведенное вмѣстѣ съ тобой и твоими родителями Надѣюсь имѣть удовольствіе еще разъ тебя обнять и отъ души посплетничать обо всемъ и обо всѣхъ. Какъ я уже говорила, мы возвращаемся въ мое имѣніе Васино Дорогобужского уѣзда, чтобы встрѣтить Рождество».

Так, тут много всего, но подробности потом, после еще раз спокойно перечитаем. Ага, вот самое главное: «Моя крестная Наталья Алексѣевна также присоединяется къ приглашенію и ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ на праздники». И подпись: «Твоя подруга Марія Ивановна И. 12 декабря 1811 года».

Интересно, почему письмо не отправлено, видно, не успела Маша это сделать. Но оно очень помогло. Итак, замечательно, имя-отчество совпадает с ее, так что путаться не будет. И имя девушки такое родное — мама ее это же носила, да и деревня и уезд, вернее район в современности, где она жила, так же назывались. С этим пока все ясно, теперь надо узнать, далеко ли это Васино.

Тут, на их счастье, возок остановился. Мужской голос прокричал: «Ой, барыня, беда, совсем мы в метели заплутали, ни зги не видно! Как бы нам не пропасть!»

Боже мой, и тут метель! Но делать что-то надо, а то и здесь погибнуть можно! Пришлось женщине с трудом приоткрывать дверь и выглядывать наружу. Сначала ничего не было видно и слышно, кроме серой мглы и завывания ветра.

Но когда глаза и уши немного привыкли, да и ветер, как показалось, стал несколько ослабевать, Наталья вдруг услышала слабые звуки, похожие на равномерный стук. Сначала решила, что показалось, но стук повторился через равные промежутки.

И тогда она закричала: «Слышишь, Степан, где-то стучат!» Почему назвала извозчика именно так, и сама не знала, но, видимо, не ошиблась, потому что мужчина не удивился, а проговорил: «И правда, барыня, стучат! Видно, бьют в имении в колокол! Ну, теперь, слава богу, найдем дорогу! Налево надо править! Ну, родные, выноси!»

Лошади, тоже услышавшие стук и почувшие дом и тепло, как-то подбодрились, дернули с места так резко, что женщина чуть не свалилась с сиденья. Несколько следующих минут дороги показались вечностью, трясло по сугробам так, что ей пришлось придерживаться за лавку одной рукой, чтобы окончательно не свалиться, а другой придерживать Машеньку, как она сразу стала называть девушку, невольной компаньонкой которой стала.

Наконец-то они поехали по более ровной дороге, шедшей мимо аллеи из заснеженных деревьев, еле видных в окошко, и остановились около какого-то большого дома-усадьбы, едва освещенного небольшими лампами по краям крылечка, к которому они подъехали наконец.

Послышался шум, женский голос спросил что-то, Степан ответил, но Наталья уже не вникала — они добрались, это главное! Теперь было важно как-то выйти из возка самой и вынести Машеньку, которая была без сознания. На ее счастье, голоса приблизились, дверь открылась, и к ним заглянула пожилая женщина.

Около нее стояли еще какие-то люди, которые говорили почти разом, так что и разобрать было невозможно.

Было слышно только, как какой-то старичок, который стоял ближе всех, бубнил в густую бороду что-то про то, что «завсегда в такую метель бьет в колокол, чтобы ежели кто заблудился, мог услышать да найти дорогу!» На эти слова Степан, который слез с облучка (кажется, так называлось его сиденье), стал обнимать его и тискать со словами: «Ты-то нас и вывел, Антипушка, ты-то нас и спас!», чем ввел его в еще большее смущение.

Старушка, увидев их, запричитала, захлебываясь в едва сдерживаемых рыданиях:

— Ахти, барыня, что же это! Что с барышней? Жива ли она?

И хотя Наталья видела всех этих людей впервые, она старалась ничему не удивляться, а ответила:

— Жива, жива, только очень плоха! Видно, где-то простыла, в горячке она! Зови кого-нибудь, надо в дом ее срочно нести!

Тут старушка закричала:

— Ванька, Прошка, ироды, где вы есть, бегом сюда, надо барышню в дом отнести.

Короче, встреча была хоть и бурная, но суетливая, немного бестолковая, и учительнице пришлось невольно всех строить, как своих школьников. Под ее команды прибежали какие-то парни, помогли выйти ей, вынесли Машеньку, и вся компания, сопровождаемая причитаниями старушки, бормотанием Степана, который остался во дворе, чтобы обиходить вместе с Антипом лошадей, и звуками стихающей метели, вошла в дом.

Глава 3 УСАДЬБА И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

Наталья невольно осматривала дом, в который попала. Помещение было длинным, вытянутым, комнаты шли друг за другом, как сейчас говорят — «вагончи-

ками», в сторону от центрального входа, составляя анфиладу.

Двери в некоторые комнаты были открыты, что создавало впечатление их бесконечности, но не всегда ощущение уюта, так как, хотя изразцовые печи, встроенные в стены, и были в каждой комнате, тепла они давали не так уж много, да и оно расходилось по всему дому.

Поэтому неудивительно, что все ходили достаточно плотно одетыми, особенно зимой, в «трусах и майке», как современные люди сейчас, при наличии центрального отопления, здесь не побегаешь. И спали недаром в теплых длинных ночных рубашках до пят, а на голову надевали колпаки и чепчики, которые не только согревали, но и предохраняли от попадания в волосы разных насекомых, водившихся даже в домах дворян, не говоря уж о простом народе.

Чувствовалось, что дом старый, деревянный пол, хоть и с красивым узором посередине, уже сильно вытоптан, тканевая обивка стен неяркая, выцветшая, мебель потертая.

В темноте было едва видно, что по углам находятся столы на изогнутых ножках со стульями с такими же дугообразными стойками, небольшие диванчики, на которых, скорее всего, было удобно сидеть, но не очень удобно лежать, а рядом — пуфики и мягкие банкеточки.

Наталья глядела на все, как на музейную обстановку, с которой она была знакома по многочисленным экскурсиям в усадьбы Подмосковья, на которые ездила с детьми, но теперь это были не экспонаты, а действующая мебель, с которой придется знакомиться и обживаться. Но долго задерживаться здесь было некогда, все же это не музей.

В доме было очень много народу, в основном пожилого возраста, но все они или топтались и причитали без пользы, или стояли в ступоре и мало чем могли помочь.